

Надж Мезер

17.11.2000

17 ноября 2000 г. "МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ" 3

КУЛЬТ-УРА

ПОЛУНОЧНИКИ ВО СНЕ И НАЯВУ

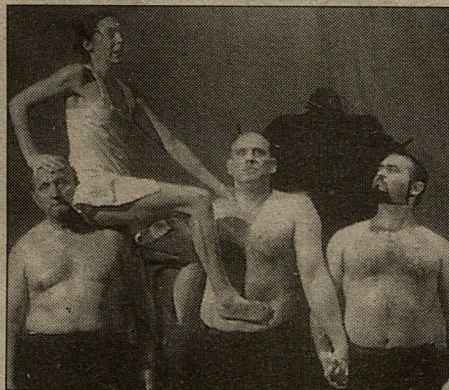
Распахивается огромный черный чехол, а там, внутри, — не бархат, а синее небо, и все в облаках, а по нему пешком идет девочка-танцовщица. Или выносят обеденный стол, покрытый белой скатертью, скатерку сбрасывают, а под ней лежит... живой дядька, который выворачивается в диковинных акробатических этюдах. Что это? Спектакль Жозефа Наджа "Полуночники", показанный на Днях французского танца в Москве — самом заметном событии месяца.

Надж — новое имя для России, хотя в Европе он уже успел произвести фурор своими постановками, где есть все мыслимые и немыслимые ингредиенты: цирк, движение, драматическая игра, трюк, свет и, наконец, танец...

Путь к спектаклям, которые Надж сегодня создает во Франции, в Национальном хореографическом центре Орлеана, был необычным. Жозеф родился в маленьком городке Каньяза в Югославии, в семье венгерского ремесленника. С детства не любил провинциальный, "вампучный" театр, но зато обожал цирк. Учился в Будапеште — в Школе изобразительных искусств и в университете (на факультете философии); увлекается восточными единоборствами. Изменив к тому времени свое отношение к театру, постигает основы драматического искусства, а в двадцать два года открывает для себя танец.

Потом, уже в Париже, он выступает со своими композициями на улицах, и здесь его случайно встречает один из хореографов. Эта случайность и определила дальнейшую судьбу Наджа. Хотя ничего случайного здесь нет, поскольку последние двадцать лет современный танец во Франции — это не просто искусство, а скорее наркотик, который манит к себе художников, поэтов...

Его "Полуночники" (музыка — **Маурицио Кагелль**), в основе которых — произведения Кафки, завораживают и пугают, как ночной кошмар. Здесь персонажи сходятся лоб в лоб, свисают с потолка, сползают по стенам, зависают в про-

странстве, бьются в странных, издерганных танцах. Смешно, грустно, страшно... А может быть, это и не сон, а та жизнь, что обрушивается на человека черно-белой, обморочной волной за полночь, часам к трем ночи? И никуда не вырваться, не убежать из этого полумрака, укутывающего, словно траурная тафта...

Кстати, свет, созданный художником **Реми Николя**, — особая удача спектакля. Он такой печальный, словно умирающая ночь, что его хочется приласкать. А ночь и впрямь умирает, и вся сцена медленно погружается в черноту. Но за несколько минут до того, как совсем исчезнуть, она разукрасится сине-фиолетовым прощальным узором, а потом уже окончательно погаснет. А может быть, это умерла не ночь, а всего лишь память о ней и о тех видениях, что она принесла с собой?..

При постановке "Полуночников" Наджу не дала покоя одна таинственная фраза Кафки, когда писатель говорит: "...Вот за это мы и любим стрекоз..." Но не объясняет, за что именно. Просто: "Вот за это..." — и каждый может придумать что-то свое.

Владимир КОТЫХОВ.